

РАЙМОНД ПАУЛС ОСТАЕТСЯ, ИЛИ ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТЯХ КУЛЬТУРЫ

- Вот и еще год прожит - и какой год! Какие итоги! Как настроение. Раймонд Вольдемарович? Сколько раз вы порывались уйти с поста министра культуры, но все же остались. Значит, появилась надежда?

- Я недавно по телевидению видел выступление своего коллеги, министра культуры (теперь уже бывшего) России Юрия Соломина. До чего доведен человек! Он был настолько озлоблен... Казалось бы, культура, что там сложного. Но эта работа настолько неблагоприятная, неподъемная, что он не выдержал, отошел в сторону.

Все мы сейчас в один голос кричим, что культура в катастрофическом положении. Я так не думаю! Да, мы уничтожали церкви, уничтожили многие ценности. Но многое из материального можно еще восстановить! Страшнее, что уничтожили самое ценное - мозговую потенцию нации. Где еще в мире совершилось подобное преступление? Как и когда этот потенциал восстановишь? И особенно пострадала Россия...

Что же нам делать? Все говорят - конец. Уж так плохо живется... Я все же не настолько пессимистически настроен. Надо пережить этот период, и дай Бог, чтобы он оказался покороче. Конечно, уйдет минимум четыре-пять лет, и только после этого, может, что-то увидим хорошее.

Главное, всем ясно, почему у нас мало что продвигается вперед: это же не работа, все вместе взятое, хозяйственный аппарат не действует. И нищета. И при этом мышление у людей настоль-

ко исковеркано, что все отражается на наших взаимоотношениях, на "улице". Мы же звери, мы озлобленные звери. Такой злобы даже после войны не помню, хотя, думаю, тогда было тяжелее. Но все-таки люди как-то постепенно вышли, выбрались из того ужаса. А мы этот ужас сами себе и создаем.

Когда меня спрашивают, в чем я могу отчитаться, что, в принципе, удалось сделать, получается - если вдруг придется уходить, скажу, что ничего. Ведь никто не знает, сколько, например, раз я встречался с нашими финансистами. И сколько раз мы говорили в Совмине, какая сумма требуется для реставрации Оперы. Об этом узнают только когда в 95-м откроется занавес. Да, скажут, вот - красиво, вот - реставрировали... Молодцы!

Что я, министр, сделал... Да хотя бы привел этот дом, где министерство наше располагается, в порядок.

- Я вообще-то имела в виду внутреннее ваше ощущение "проедленного", чем вы довольны, а чем - нет.

- Ну вот такая моя жизнь. Потому что хочу, чтобы всюду работали профессионалы. И люди без узкого провинциального мышления. А оно - провинциальное, и надо от этого избавляться.

- В чем вы видите провинциализм?

- Мы забираемся, как улитка, в свой маленький домик и сидим там. Но так у нас ничего не получится, потому что за эти годы

мир ушел очень далеко от нас. И в искусстве, и во всем.

Но раз уж я здесь сижу, то хочу провести свои реформы, которые считаю необходимыми. И сталкиваюсь с таким сильнейшим сопротивлением, с такой оппозицией! А сделать ничего не могу еще и благодаря нашим законам, которые мне не помогают, а, наоборот, защищают в основном всякую серость.

Помните реакцию на предложения по Дворцу пионеров? Когда я сказал, что для детей можно найти приличный дом в другом месте. Что изменилось? Дети до сих пор там. Я тут зашел в музей и слышал, как наверху репетирует танцевальный ансамбль, в этом древнем здании. И хорошо еще, что строилось в те века - пока выдерживает. Но ситуация ненормальная. Надо обязательно освободить замок для ремонта, а потом сделать там, как и положено, музей.

С бывшей консерваторией у меня получилось удачней. Музыкальная академия должна готовить именно профессиональных музыкантов, отбросив все, что за эти годы там делалось по принципу общего массового образования. Подключили тогда черт знает что к этой консерватории и оставили фактически на втором плане самое главное, для чего она и была создана, - чтобы на инструменте умели играть, на скрипке, на виолончели... Но когда я дотронулся до факультета так называемых культпросветработников - какой был скандал!

СМ. - Рига, 1999. - 4 стр.

И я понимаю Соломина: если он даже начал что-то делать - Москва не Рига, там акулы покрупнее. И здесь имеются, но окуни по сравнению с теми. И начинается: зачем все рушить, ведь все хорошо и замечательно...

- Да, какой шок был от вашей идеи возможного слияния Оперы с Опереттой! А особенно русской труппы Молодежного театра - с Русской драмой, ведь тут разные традиции, принципы...

- Правильно! Но, видите ли, никому даже в голову не пришло, допустим, отказать Русской драме в дотациях, театр действительно с хорошими традициями, своей историей. Но посмотрите, что сегодня делается в нашем бывшем ТЮЗе. Шапиро, сильнейший режиссер, художник, но он хочет работать только тогда, когда ему хочется работать. Да с удо-

вольствием! Но ты организуй только, чтобы этот театр не буксовал. Один твой спектакль в сезон - хорошо, не сделал своей премьеры - ладно. Но театр-то должен работать! Это государственный театр! Когда он будет твой собственный - делай по-другому. Что интересно: тогда он действительно будет работать иначе, вынужден будет.

- Ну а слияние Оперы с Опереттой?

- Ничего здесь нового, в 30-е годы это было. Я великолепно вижу состав. Вот во Франции никто не плачет о том, что в Париже все музыкальные театры закрыли - обанкротились. Но у нас можно объединить. Будет новая большая сцена, и профессиональный балет, и хорошие певцы - пожалуйста! Штраус, Кальман, грандиозные представления. Почему же

Пласидо Доминго может петь на стадионе опереточные арии?

Сложили бы вместе эти деньги, ставили бы одну-две оперетты в год, больше не надо. Нет! Как они на меня орали!

Или вот пошел я в наш Художественный театр на дуэт Райкина и Васильевой. Мне раньше все латыши говорили: нам нечем заполнить эту большую сцену, не могут же играть на ней два-три человека... Они меня за дурака принимают? Почему эти двое могут заполнить, да еще как заполнить? Все дело в таланте. И профессионализме.

- Кажется, ваш "злой умысел" лишь в том, что вы хотели бы видеть и иметь что-то одно, но хорошее, а не много, но неважное?

(Продолжение на 4-й стр.)

- А как на меня напали... Господи! Особенно латышская пресса. Вы должны понять меня в одном. Я не имею права (хотя не один министр культуры на Западе не вмешивается в дела театров, поскольку они частные), когда я вижу, что делается с нашими дорогими государственными театрами, спокойно на это смотреть. И не могу. Потому что знаю, что все можно сделать иначе. И чтобы театр действовал. Жил. Могут быть хорошие спектакли, могут быть провалы, никто не застрахован. И чем больше экспериментировать, тем лучше. Но все время директор театра или художественный руководитель должны думать о репертуарной политике. Которая делается с учетом анализа требований

зрителя, потому что без него театр никому не нужен. Вот я на чем настаиваю. Из Даугавпилса, где не так давно создан свой театр, только что поступил сигнал: на премьеру было 70 человек, на третьей премьеру - 30. Печально. Но публика так задает нам важный вопрос. А что, господа, нам смотреть в вашем театре? Нечего! Давайте интересный репертуар.

И что мы дальше станем делать, если начнутся процессы как в Польше и других восточно-европейских странах, где сняли государственную дотацию? И это для нас вполне реально, хотя официально еще не решалось. Тут я в сложной ситуации. С одной стороны, я должен их защищать. Но с другой - должен молчать, потому что вопрос стоит так: а кому мы помогаем этими деньгами? Талантливым людям, которые хотят по-настоящему работать, или тем, кто просто желает спокойно дожить до своей пенсии, не торопиться с постановками, не искать, не думать, как привлечь публику. Так называемая дотация, оказывается, очень выгодна бездарностям, серой массе.

Знаете, как до войны в Риге работал русский театр? В каком темпе, чтобы выжить? Как жила наша Опера? Они знали, что такое труд, по две премьеры бывало в месяц. А теперь хорошо если три-четыре в год. И все время "кто-то" у них виноват. Прямо как в нашем сельском хозяйстве. Сиджу на правительственных заседаниях, слышу, какие суммы уходят у нас на поддержание сельского хозяйства. А где отдача? Где эта пшеница и все остальное? Латвия сегодня ищет зерно по всем странам мира! А ведь большой процент этих самых денег можно было перебросить на другое. На строительство нового концертного зала, например, или здания госбиблиотеки. Ведь мы сейчас готовы друг другу горло перерезать из-за освобождающихся старых зданий, нового-то за многие годы ничего не построили.

А наше национальное кино? Я был рад, что оно не в моем ведении, а тут снова перешло Министерству культуры. Между тем наше кино долго выживало и за счет заказов ЦТ на детективы и прочую продукцию. Фильмы были в

основном неважные, но экранное время занимали, за них платили. А теперь не будет и этого. Как жить?

Недавно в газете "Культура" прочел большой очерк о режиссере Фрэнсисе Копполе. Там все есть. Как он искал деньги, как вложил в фильм, как обанкротился и начал сначала. Потом были "Оскары" "Крестному отцу" - и миллионы, которые опять вложил в постановки и опять проиграл...

- Нормальная жизнь?

- Нормальная жизнь!.. Но это - художник. При этом они все там знают, сколько труда надо вложить, чтобы занять деньги. Вот основной вопрос. А у нас требование одно - только давай деньги. Если не дашь деньги - латышская культура пропала. Но я в ответ

только мою систему, образовательные специфические, даже элитарные. Академия художеств, Музыкальная академия, Академия культуры. Где должны создаваться новое, новую культуру и давать возможность позаниматься и поработать за границей. Не только на Западе. Какая была изумительная фортепианная школа, например, в Московской консерватории. Мы сами виноваты, что самые талантливые подались в другие края. Я удивляюсь, что все равно еще появляются таланты. Правда, народ большой...

- Какие же реформы вы наметаете на год 1992-й?

- Представьте (вот напишете - и мне конец!), хочу провести полную реорганизацию латышской балетной школы. На меня напал

ры. образования, на социальные программы сумм?

- Знаете, ловлю себя на том, что мы никак не можем привыкнуть к мысли: не надо вмешиваться в чужие дела. Кто хочет сейчас помочь культуре? Может помочь, естественно, тот, у кого есть деньги. Но срывает старая реакция на "нового кулака": а откуда у него деньги да чем он там занимается... Да какое мое дело! Пусть этим прокуратура занимается, если у него не все чисто. Германия вот тоже после войны десять лет не могла стать на ноги, там тоже шла страшная спекуляция. Но потом как-то развернулось.

Насчет налогов. У нас уже список "освобожденных" от них предприятий есть. Но и списков

лась недавно небольшая шумиха вокруг довольно большого дома на Паласта, 4 (бывшая комендатура), который предлагаем РОЛу для русского культурного центра. Вдруг появляется еще одно общество, "Корни", заявляющее на него свои права.

- Есть ли какие-то договоренности о культурном обмене, сотрудничестве Латвии с Россией, другими бывшими республиками?

- Живые, непосредственные отношения теперь осуществляются не министерствами, а конкретными филармониями, театрами и т. д. Министерства же договариваются об общих планах содействия этим отношениям. Тут другая проблема возникла. Вы сейчас "заграница", говорят нам, платите валюту за все. Вот что начинается! Пока с деньгами, с ценами неясно, и поэтому рано говорить о долгосрочных прогнозах и проектах. Все планы под вопросом, кто знал, что все так обернется? И, думаю, переменам еще далеко не конец. Остается пожелать, чтобы, несмотря на наш хаос, мы все пережили и начали работать. А для этого - немедленная приватизация, частная инициатива.

- Думаете, уместно?

- Должно утаться. Не может такая масса людей, имея все-таки высочайшую, хотя и искаленную, частично уничтоженную культуру, не выстоять. Можно еще постепенно восстановить потенциал. Если уж Турция смогла в свое время выбраться!..

Правда, нам, правительству Латвии, каждый день кричат и грозят - в отставку! Дай бог. Будет новое поколение, не сидеть же на посту до самой смерти. Даже Тэтчер ушла - и ничего, работает вдовую.

- Несколько новгородских слов читателям.

- Не теряйте жажду выжить. С голоду не умираем, и нечего так себя настраивать. В прессе, правда, и по телевидению показываем только плохое. Нельзя так, надо и тут знать меру. Вот ведь у вас с газетой неплохо - рейтинг высокий, много поклонников. Жена берет, читаю... Надеюсь на человеческий разум, выдержку и умение идти на компромиссы. Надеюсь, начнем, наконец, жить лучше. А без надежды бесполезно и затаивать что-то.

- Спасибо! С Новым годом.

Расспрашивала
Наталья МОРОЗОВА.

Фото Л. БЛЕДНИКОВА.

РАЙМОНД ПАУЛС ОСТАЕТСЯ, ИЛИ ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТЯХ КУЛЬТУРЫ

мог бы задать очень много вопросов...

- Каких же?

- А что ты нам даешь? На эти деньги. Что умеешь? Говорят, сегодня политикой все творцы заняты. Знаете, хватит! Не было ли когда-то кому-то выгодно прикрыться: вот у меня вырезали, мне запретили... Да, министерство вмешивалось, запрещало. Все думали - "железный занавес", идеологическое давление, не дают нам жить. Давление, идущее от этого вот стола, от того большого дома. Вечно какие-то комиссии. Вот они, те, кто тормозили... Было, не могу отрицать. Ну а теперь кто и что мешает? Никто не связан никакой идеологией. Никаких "сдач-приемов", зачем? Что я буду запрещать? Вот у нас мода провинциальная, в каждом спектакле голые женщины выходят на сцену. Или одно время все увлекались бывшими диссидентами. Тоже исчерпано. Что будем делать дальше? Кризис?

Должна же появиться какая-то новая, молодая кровь? Но после Вацетиса, после Зиедониса и Петерса, которых я всегда считал образцами в творчестве, - сегодня подобных молодых авторов назвать не могу. Где они? И кто им мешает? Может, надо просто пережить этот странный период спокойно...

Вопрос номер один сегодня, конечно, - образование. Возьмем

дуг: рижский балет! да чуть ли не весь мир знает! все это так красиво! за границу ездят!.. А я скажу, что это не так! Что давно он составил. Что давно в нем молодых "звезд" нет. Мы держим специальную балетную школу, которая должна готовить кадры для рижской Оперы. Логично? Государство оплачивает этих будущих профессионалов с четырех-пятилетнего возраста и до выхода на сцену. Все не станут солистами, но хотя бы троих-четверых каждый год мы должны были получать?

Тут другая странность беспокоит. Чем, вы думаете, занято в основном Министерство культуры? Строительными делами. Обеспечиваем объекты стройматериалами. Ну какое, в принципе, я имею отношение к строительству? Разрушается какой-то памятник архитектуры - министерство наше виновато... Считаю, мы должны наконец поставить точки над "i". И если я заключил договор с директором музея или театра, то передаю через министерство ему соответствующую "дотацию", а уж за все хозяйство свое отвечает сам этот господин, со всеми своими штатами, замками. Почему я должен думать, кто ему крышу отремонтирует?

- Как вы относитесь к спонсорству и к тому, чтобы освободить "благотворителей" от налогов с передаваемых ими на нужды культу-

ты никаких не надо. Если я отдаю свой миллион, я это официально оформляю, и налог с меня за него не берут. И все.

- Кстати, решение этого вопроса очень важно для развития культуры "национальных меньшинств" Латвии. А чем им может помочь ваше министерство?

- В моих интересах, например, чтобы был единый стабильный русский культурный центр. И чтобы его не забрали опять какие-то организации, занимающиеся только бизнесом. Многое тут зависит от энтузиазма конкретных людей, которым действительно близка родная культура, патриотизм своей нации, живущих здесь. Образец для меня - одна эстонка, которая чуть не довела меня до инфаркта, так дралась за дом для эстонского общества. А вот за последнее время из русских обществ ко мне, кроме Абызова, почти никто не подходил. Правда, нача-

Будете зжорова!
Р. Паулс